

О.М. Акай

РЕЛЯТИВНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН*

Рассматривается релятивность интраязыковых лакун. Приводится классификация лакун с точки зрения межкультурной коммуникации. На основе национально-специфических характеристик анализируется паралингвистическая лакунарность. Лакунарность рассматривается не только в лексическом аспекте, но и с позиции экстралингвистических факторов, учитывая эмотивную природу данного лингвистического явления. Доказывается, что релятивный характер интраязыковых лакун наиболее ярко проявляется на примере переходности/непереходности глагола. Делается вывод о релятивности как о базовом свойстве лакунарности.

Ключевые слова: онтология, релятивность, языковая лакуна, лакунарность, лакунология, лингвокультура.

О.М. Akaj

RELATIVITY AS AN ONTOLOGICAL CHARACTERISTIC OF LANGUAGE LACUNAE

The relativity of intralingual lacunae is considered. The classification of gaps in terms of intercultural communication is given. On the basis of national-specific characteristics, paralinguistic lacunarity is analyzed. Lacunarity is considered not only in the lexical aspect, but also from the position of extralinguistic factors, taking into account the emotive nature of this linguistic phenomenon. It is proved that the relative nature of intralingual lacunae is most clearly manifested in the example of the transitivity/intransitivity of a verb. The conclusion is made about relativity as a basic property of lacunarity.

Keywords: ontology, relativity, language lacunae, lacunarity, lacunology, linguistic culture.

Лакуна как категория, выявляемая путем межязыкового сопоставления

Согласно исследованиям Г.А. Антиповой, О.А. Донских, И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина, которые представлены в их коллективной монографии «Текст как явление культуры» [2], систематизация различных типов лакун в соответствии с моделью структуры межкультурного общения позволяет выделить четыре группы: 1) субъектные лакуны, отражающие национально-культурные особенности коммуникантов в разных лингвокультурных общно-

стях; 2) лакуны активности, отражающие культурные и национальные особенности функционирования жизнедеятельности в коммуникативном аспекте; 3) лакуны культурного пространства (ландшафта); 4) текстовые лакуны, возникающие в силу специфики текста как инструмента общения. В любом случае «лакуна выявляется в языке лишь при сопоставлении с другим языком [11, с. 9].

Выделяются различные подгруппы субъектных лакун, существование которых подчеркивает особенности национального менталитета и культуры того или

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-0016.

иною народа. Некоторые национальные черты могут быть характерными лишь для одной национальности, а у представителей других национальностей эти же черты могут быть выражены слабо или не выражаться совсем, например: в китайском национальном характере – сдержанность, в английском – уравновешенность, в американском – прагматичность, в русском – добродушие.

Естественно, что черты характера являются общечеловеческими, но в совокупности представляют собой некий инвариант характера народа. Общая черта «трудолюбие» имеет и национальные черты. Трудолюбие китайского народа – это чрезмерное усердие, коллективистская направленность, ориентирование на достижение быстрого результата, независимо от заданных условий. Трудолюбие американцев – инициативность, масштабность, настойчивость, рабочее воодушевление, задор. Ярко выраженная способность мгновенно ориентироваться в ситуации, характерная для представителей китайской культуры, является лакунизированной для американцев.

Национально-специфические особенности мышления становятся причиной «ментальных лакун», которые относятся к деятельно-коммуникативным лакунам. Именно они обуславливают понимание/непонимание юмористических ситуаций (анекдотов), характерных для чужой лингвокультурной общности [5, с. 5]. Понятно, что анекдот мало дословно перевести, необходимо «приспособить» его к ментальному и эмоциональному миру языка-рецептора.

Особая сфера лакунологии – кинесика, паралингвистическая лакунарность. Особенности китайского невербального стиля общения ярче всего отображены в улыбке. Китайцы улыбаются в любых ситуациях:

испытывая волнение и горечь, радость и грусть, извиняясь, а также при трагическом сообщении. В Китае не принято сообщать о смерти так, как в англо-американской и русской культурах, т.е. со скорбью. Китайцы сообщают о смерти в поклоне с соответствующей улыбкой, смысл которой в том, что человек теперь находится в лучшем мире, это нужно принять с уважением.

В лингвистике наиболее разработана уровневая (таксономическая) классификация лакун, в которой раскрывается уникальная система одного языка по отношению к другому. Гораздо менее развита экспланаторная составляющая теории лакунарности: дело, как правило, исчерпывается общими рассуждениями о своеобразии языковой и ментальной картин мира. Конечно, есть случаи вполне прозрачные, когда хорошо известны и понятны экстралингвистические истоки лакунарности. Если, в отличие от русского, в английском языке, наряду с *lawyer*, есть *barrister*, *solicitor*, *counsel*, *counsellor* и другие градации юридической и адвокатской деятельности, то это мотивировано экстралингвистическими обстоятельствами. Понятно в общем, почему лакуной в русском языке в сопоставлении с французским будет лексема *rombière* («надоедливая пожилая дама с претензиями»). Гораздо труднее объяснить грамматическую лакунарность, ибо грамматика связана с социальной жизнью лишь опосредованно, прямые экстраполяции в этом случае нередко оказывались вульгарными [3, с. 59; 4, с. 72; 7, с. 244].

Все названные типы лакун образуют лакуносферу, характеризующую соотношение двух лингвокультур. Расхождения локальных культур могут различаться по «степени мощности», поэтому нередко разграничивают конфронтативные лакуны, свидетельствующие о глубоких рас-

хождениях в системах языков, и лакуны контрастивные – слабые, неглубокие. Эти лакуны называют также абсолютными и относительными, что менее точно. Примером абсолютной грамматической лакуны в английском языке по отношению к русскому может служить именная категория рода. Для русского языка лакунарными будут артикли, герундий и др.

Грамматическая категория эвиденциальности – ссылака на источник информации – из славянских языков есть только в болгарском и македонском, в остальных она передается лексически, т.е. становится лакунарной. Эвиденциальность (от англ. *evidential* – «основанный на очевидности») передает достоверное действие, о котором говорящему известно от других лиц или по косвенным признакам, т.е. фактически эта категория служит для указания на чужую речь. Специальный морфологический показатель с функцией передачи чужой речи есть, например, в лезгинском языке [1, с. 78–84]. Временные формы английских глаголов в соотношении с русской системой времен формируют относительную лакунарность (поскольку сама категория времени имеется в обоих языках).

Термином лакуна обозначаются как сами явления пропуска, несовпадения (= лакунарность), так и конкретные единицы, которые отсутствуют вместо ожидаемого (долженствующего). В обоих значениях лакуна имеет исключительно релятивный характер: термин приобретает смысл только тогда, когда некий объект сравнивают с неким шаблоном, оценивают относительно этого шаблона [6, с. 189–190]. Это касается всех языковых уровней.

Лингвистика накопила много фактологии, отражающей поразительные особенности в лексической и грамматической системах языков мира. Так, Ю. Найда утверждал, что в языке тараумара отсут-

ствуют отдельные обозначения для синего и зеленого цвета, а в языке хупа категория времени может выражаться существительным [15, р. 35]. С точки зрения теории межъязыковой лакунарности эти языки обладают лакунами: лексической и грамматической – по отношению ко всем языкам европейского стандарта.

Даже при наличии той или иной категории в обоих сравниваемых языках лакунарными могут оказаться отдельные детали (ср. недифференцированность по роду личных местоимений в финском языке или различную сочетаемость по числу: в большинстве индоевропейских языков количественные числительные сочетаются с формами множественного числа существительных, в то время как в финно-угорских и тюркских языках соответствующее сочетание осуществляется по единственному числу и т.п.). Сравним типичное определение лакуны в работе О.В. Сухановой [10, с. 8], «опираясь на точку зрения И.А. Стернина и З.Д. Поповой, понимаем под межъязыковой лексической лакуной некий смысл, не имеющий в исследуемом языке однословного наименования или наименования в виде устойчивого словосочетания на фоне наличия подобных наименований в языке сопоставления».

Лакунарными могут быть не только лексические элементы, но и обширные единицы лексической семантики и даже элементы экстралингвистической информации, которые сопровождают лакунарность в сознании представителей одной культуры и языка, сокращаясь или элиминируя при переносе значения в другой. Наиболее часто при сравнении языков выделяются эмотивные лакуны. Эквивалентные с точки зрения лексического и грамматического значения единицы нередко оказываются эмотивными лакунами, поскольку передают совершенно разную прагматику.

Сравним многочисленные примеры неадекватного восприятия классических сюжетов, связанное с национально-специфическими коннотациями: узбекские школьники не воспринимают басню Крылова «Волк на псарне», поскольку этому препятствуют культурные ассоциации: волк – это сильное, мужественное, благородное животное. Как известно, в русских сказках волк зачастую глуповат, а в английской лингвокультуре ему свойственна такая специфическая характеристика, как «покоритель женских сердец». Сокол с его коннотациями («славные соколы нашей авиации» и т.п.) – ассоциативная лакуна, например, по отношению к французскому языку. Такие наблюдения чрезвычайно важны для теории и практики межкультурной коммуникации. Недаром А.А. Реформатский отмечал: «...рассуждение В.Н. Ярцевой о “малоперспективности для лингвиста” сопоставлений в области лексики, обозначающей цвета спектра, несколько удивляет: “Что дает... тот факт, что в русском языке различаются синий и голубой, а в английском языке есть только одно слово blue”. Конечно, пример с “лексикой цветового спектра” старый, но он все-таки интересен и именно в системном плане, недаром же его анализирует и Л. Ельмслев, который пишет, что за пределами парадигм, установленных в разных языках для обозначения цвета, можно, вычитывая различия, найти такой аморфный континуум – цветовой спектр, в котором каждый язык произвольно устанавливает свои границы» [9].

Понимание лакуны как значимого отсутствия является относительным. Отсутствие в английском языке понятия «лапти» считается лакунарностью по отношению к русскому языку, где такое понятие существует. Однако во французском языке данное понятие также отсутствует.

Таким образом, данное отсутствие является относительной лакуной, ибо что-либо не может объективно существовать относительно чего-либо. А что тогда является относительным существованием? Если принять за аксиому закон логики: «Суждение и его отрицание не могут быть одновременно истинными», – то правило «Лакуна X существует в языке B в момент t » и «Лакуна X не существует в языке B в момент t » не может быть истинным [13, с. 180].

Действительно, пытаясь осмыслить лакуну как небытие, мы постоянно сталкиваемся с тем фактом, что она в то же время есть некое бытие. Эта онтологическая двойственность лакуны приводит к путанице – отождествлению элемента, отсутствующего в одном языке, с элементом, присутствующим в другом. М.Я. Дымарский указывал на следующие затруднения в онтологической интерпретации понятия лакуны: 1) не ясно, можно ли описывать как сущность факт отсутствия чего-либо, пустое место; 2) не ясно, как можно интерпретировать что-либо, имеющее относительный характер, основываясь лишь на шаблонном осмыслении путем рассмотрения с точки зрения внешней оценки [6, с. 190]. В данном случае речь идет о «пробеле», чем-то несуществующем, если рассмотреть для сравнения два текста в двух знаковых версиях. Тогда отсутствие определенной языковой единицы в одном тексте и ее присутствие в другом можно интерпретировать как нуль на месте подразумеваемой единицы.

Думаем, однако, что релятивный характер лакуны эксплицирует ее системную природу, а значит, приравнивает ее к субстанционально воплощенному объекту. Как писал А.А. Реформатский, изучение межъязыковых лакун с помощью сопоставительного метода чрезвычайно важ-

но для того, «чтобы загадочное понятие “внутренней формы” В. Гумбольдта как “всепроницающей силы” стало “весомым и зримым”» [9, с. 44].

Релятивность интраязыковых лакун

М.Н. Эпштейн проанализировал такую луну в русской грамматике, как отсутствие дихотомии переходность/непереходность. Само наличие этой лакуны глубоко симптоматично. Так, в русском языке переходных глаголов в несколько раз меньше, чем непереходных, что подчеркивает естественное состояние данной глагольной категории. Категория переходности проявляется в переносе действия на объект, непереходность реализуется только в поле субъекта. Переходный глагол может стать непереходным путем добавления возвратного суффикса *-ся*, однако обратной трансформации непереходного глагола в переходный данным образом не происходит. Необходимо дополнить глагол приставкой либо лексическим значением: *ехать – обвехать село* и т.д. Только иногда, в случае так называемых каузативных глаголов, составляются более или менее точные пары: *висеть – вешать* (т.е. делать так, чтобы кто-то висел или что-то висело), *сидеть – сажать, мокнуть – мочить, стоять – ставить* и т.п. [14, с. 12].

М.Н. Эпштейн полагает, что система любых субъектно-объектных отношений является ключевым фактором в развитии категории переходности/непереходности. Он относит данное явление на счет сознания и мировоззрения, которое называет «непереходным мировоззрением». То есть не наделяет субъект способностью что-либо решать, а лишь пассивно наблюдать за происходящим, не брать ситуацию под контроль, а лишь следить за ее развитием. Непереходность атрибутивна, она определяет свойство предмета, как и при-

лагательное, однако основная, предикативная функция выражена именно у переходных глаголов. Если глагол – «это нерв самого языка», то переходность – душа глагольной системы, мера «глагольности» глагола.

Однако, считает М.Н. Эпштейн, русская грамматика достаточно эластична для того, чтобы изменить свою глагольную систему, оживить ее категорию переходности/непереходности путем переноса действия от субъекта к объекту. В настоящее время в русском языке практически не существует глаголов, способных одновременно выражать и переходное и непереходное значение, за исключением глаголов типа *уйти, поступить*, которые закрепились в функции переходных при ироническом употреблении: *с работы его ушли; отец поступил меня в институт*. Ср. также: *кто девушку кормит, тот ее и танцует*. Но появились и стали частотными и вполне нейтральные случаи таких употреблений (в разговорном стиле): *Его нет дома, пошел гулять собаку; Няня гуляет ребенка только по будним дням*. То есть русский глагол становится более гибким, подвижным в плане дихотомии переходности/непереходности.

Заметим, что в качестве авторских употреблений «контекстной нормы» такие формы использовались традиционно. Ср.: *Мудрено ли, что я после первых же встреч всей душой прилепился к Маршаку и в ленинградские белые ночи – это было в самом начале двадцатых годов – мы стали часто бродить по пустынному городу, не замечая пути, и зачитывали друг друга стихами Шевченко, Некрасова, Роберта Браунинга, Киплинга, Китса, и жалели остальное человечество, что оно спит и не знает, какая в мире существует красота* [12].

Характерно, что в «Словаре модных слов» Вл. Новикова есть словарная статья «Улыбнуло» [8, с. 283]. И это не но-

вая единица в полном смысле слова. Еще в 1913 г. Е. Замятин писал в повести «На куличках»: *В саду у клумб копался Непротошинов: хоть бы чем-нибудь барыню милую улыбнуть...* В нормативных словарях, естественно, такого глагола нет, хотя он чрезвычайно активизировался в современном языке соцсетей в большинстве употреблений в форме среднего рода прошедшего времени: *Приятно прочесть в ответ на свой пост короткий комментарий: “Улыбнуло”* [8, с. 283]. Указанный словарь – место первой лексикографической фиксации этого девиантного образования, которое может быть квалифицировано как элиминация грамматико-словообразовательной интраязыковой лакуны.

М.Н. Эпштейн считает, что в настоящее время русский язык стоит на пороге изменения категории переходности/непереходности в сторону взаимообратимости, и приводит десятки примеров, когда русские непереходные глаголы приобретают дополнительное значение активного,

целенаправленного действия. В терминах лакунологии этот процесс может быть охарактеризован как элиминация (делакунизация) интраязыковых лакун, выявляемых в грамматической системе.

Заключение

Релятивный характер лакуны эксплицирует ее системную природу, а значит, приравнивает ее к субстанционально воплощенному объекту. Язык характеризуется не только тем, какие ячейки в его парадигмах заполнены эксплицитно, но и тем, какие ячейки не заполнены и как выглядят элиминированные лакуны (виртуальные единицы, которые должны заполнить в вакантные ячейки). Релятивные интраязыковые лакуны позволяют судить о потенциале языка и путях его эволюции, а межязыковые лакуны дают представление об особенностях сравниваемых языков. Релятивность же есть базовое свойство любой лакунарности, как межязыковой, так и интраязыковой.

Литература

1. Алиева Э.Н. Категория эвиденциальности в русском и лезгинском языках // Филологические науки. 2008. № 1. С. 78–85.
2. Антипова Г.А. и др. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989.
3. Бердичевский А.А. Отражает ли русская грамматика русскую ментальность? // Русская грамматика: сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 58–61.
4. Брутян Л.Г. От грамматики русского языка к русской языковой личности // Русская грамматика: сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). М., 2016. С. 72–74.
5. Глуценко Т.С. Национально-специфические компоненты кинесического общения китайской лингвокультурной общности в свете теории лакун на фоне англо-американских и русских жестов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2006.
6. Дымарский М.Я. Возможна ли онтологическая интерпретация понятия лакуны? // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. С. 189–195.
7. Лазарев В.А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2009.
8. Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016.

9. *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 40–52.
10. *Суханова О.В.* Лакунарность глагольной лексики (на материале русско-английских глагольных лакун): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.
11. *Титов В.Т., Кретов А.А.* Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2010. № 1. С. 7–12.
12. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. [Б. м.]: Время, 2014. 448 с.
13. *Шалифова О.Н., Савицкая Е.В.* К вопросу о сущности языковых лакун // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1. С. 178–183.
14. *Эпштейн М.Н.* О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3.
15. *Nida E.* Toward a Science of Translation. Leiden, 1964.

Literatura

1. *Alieva E.N.* Kategoriya evidentsial'nosti v russkom i lezgin'skom yazykakh // Filologicheskie nauki. 2008. № 1. S. 78–85.
2. *Antipova G.A. i dr.* Tekst kak yavlenie kul'tury. Novosibirsk: Nauka, 1989.
3. *Berdichevskij A.L.* Otrazhaet li russkaya grammatika russkuyu mental'nost'? // Russkaya grammatika: sbornik tezisov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (Moskva, 13–15 aprelya 2016 g.). M., 2016. S. 58–61.
4. *Brutyan L.G.* Ot grammatiki russkogo yazyka k russkoj yazykovoj lichnosti // Russkaya grammatika: sbornik tezisov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (Moskva, 13–15 aprelya 2016 g.). M., 2016. S. 72–74.
5. *Glushchenko T.S.* Natsional'no-spetsificheskie komponenty kinesicheskogo obshcheniya kitajskoj lingvokul'turnoj obshchnosti v svete teorii lakun na fone anglo-amerikanskikh i russkikh zhestov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Blagoveshchensk, 2006.
6. *Dymarskij M.Ya.* Vozmozhna li ontologicheskaya interpretatsiya ponyatiya lakuny? // Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2009. S. 189–195.
7. *Lazarev V.A.* Morfologicheskie kategorii: antropotsentricheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty interpretatsii. Rostov n/D.: IPO PI YuFU, 2009.
8. *Novikov V.I.* Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti. M.: Slovare XXI veka, 2016.
9. *Reformatskij A.A.* O sopostavitel'nom metode // Reformatskij A.A. Lingvistika i poetika. M.: Nauka, 1987. S. 40–52.
10. *Sukhanova O.V.* Lakunarnost' glagol'noj leksiki (na materiale rusko-anglijskikh glagol'nykh lakun): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012.
11. *Titov V.T., Kretov A.A.* Rol' skrytykh kategorij v tipologicheskom opisании grammatiki romanskikh yazykov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya". 2010. № 1. S. 7–12.
12. *Chukovskij K.I.* Vysokoe iskusstvo. [B. m.]: Vremya, 2014. 448 s.
13. *Shalifova O.N., Savitskaya E.V.* K voprosu o sushchnosti yazykovykh lakun // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk. 2015. T. 17, № 1. S. 178–183.
14. *Epshitejn M.N.* O tvorcheskom potentsiale russkogo yazyka. Grammatika perekhodnosti i tranzitivnoe obshchestvo // Znamya. 2007. № 3.
15. *Nida E.* Toward a Science of Translation. Leiden, 1964.